

УДК 347

**ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИ ЗАИНТЕРЕСОВАННЫХ В ИСХОДЕ ДЕЛА ЛИЦ
ЗА ДАЧУ ИМИ ЗАВЕДОМО ЛОЖНЫХ ОБЪЯСНЕНИЙ
В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ****О.Л. МОРОЗ****(Витебский государственный университет им. П.М. Машера)**

Объяснения сторон и других юридически заинтересованных в исходе дела лиц имеют большое значение для правильного разрешения гражданского дела. Однако в отличие от других средств доказывания закон не предусматривает определенных гарантий достоверности сведений о фактах, исходящих от юридически заинтересованных в исходе дела лиц.

Исследуются проблемы ответственности юридически заинтересованных в исходе дела лиц за дачу ими заведомо ложных объяснений в гражданском судопроизводстве. Рассматриваются различные виды ответственности юридически заинтересованных в исходе дела лиц за дачу ими заведомо ложных объяснений в суде, предлагается правовой механизм повышения достоверности данного средства доказывания.

Введение. Больше всего информации об обстоятельствах, имеющих значение для правильного разрешения дела, могут сообщить суду участники спора о праве, которые, как правило, знают всю его фактическую сторону. При исследовании и проверке объяснений юридически заинтересованных в исходе дела лиц нередки случаи, когда суды сталкиваются с ложью. Это значительно осложняет работу суда, может отрицательно повлиять на выполнение задачи воспитания граждан в духе уважения и исполнения законов, послужить причиной вынесения незаконного и необоснованного решения. Из-за сообщенных суду ложных сведений рассмотрение дела нередко затягивается на долгий срок. В связи с этим в последние годы все активнее обсуждается назревший вопрос об ответственности юридически заинтересованных в исходе дела лиц за дачу заведомо ложных объяснений в гражданском судопроизводстве.

Ложь наиболее вероятна в объяснениях сторон и третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования на предмет спора, поскольку решение по делу прямо влияет на их права и обязанности. Кроме того, законодательством не установлена ответственность указанных лиц за дачу ими заведомо ложных объяснений, что еще больше повышает вероятность умышленного сообщения сторонами и другими юридически заинтересованными в исходе дела лицами недостоверных сведений.

Основная часть. Проблема нормативного регулирования ответственности сторон за дачу заведомо ложных объяснений далеко не нова. Например, статья 142 Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР 1918 года, действовавшего на территории БССР до 1927 года, устанавливала обязанность сторон говорить правду при рассмотрении дел об установлении отцовства и ответственность сторон при неисполнении этой обязанности как за лжесвидетельство. Однако впоследствии эта норма была отменена. Следует полностью согласиться с С.В. Курылевым, который в обоснование отсутствия уголовной ответственности сторон за дачу ими заведомо ложных объяснений высказывал соображение, что угроза уголовной ответственности за ложь может в отдельных случаях отпугнуть гражданина от обращения к правосудию из-за боязни, что суд может расценить его объяснения как лживые, если они недостаточно подтверждены другими доказательствами [1, с. 72].

В.Г. Гусев, соглашаясь с этой позицией, в качестве одного из средств борьбы с ложными сведениями, предоставляемыми сторонами, третьими лицами и свидетелями предлагает ввести должность судебного психолога, который, давая оценку объяснениям и показаниям «помогает отличить ложные показания от правдивых» [2, с. 48 – 49]. Несомненно, в некоторых случаях специальные познания психолога для суда могут быть полезны (например, участие педагога-психолога как специалиста при допросе несовершеннолетнего свидетеля) [3]. Однако совершенно недопустима оценка доказательств, в том числе и их достоверности, кем бы то ни было, кроме суда (речь не идет о рекомендательной оценке доказательств юридически заинтересованными в исходе дела лицами).

Вызывает решительные возражения и предложение некоторых авторов использовать в качестве средства проверки достоверности объяснений сторон полиграф [2, с. 49; 4, с. 185 – 186]. Противник этой идеи И.Р. Медведев описал, как использование детектора лжи может выглядеть на практике: «Перед началом проведения всех процессуальных действий участникам процесса специальные уполномоченные лица надевают на руки датчики, измеряющие давление крови, электропроводность кожи, аритмию дыхания; проверяют, не расширены ли у участников процесса зрачки и т.д., а в конце собранная информация анализируется и проводится ее комплексная инструментальная проверка, являющаяся базой для всей оценки доказательств» [5, с. 47]. Действительно, такая картина выглядит самым неприглядным образом. Подобного рода процедурам не место в гражданском процессе. Кроме этого, использование полиграфа

на современном этапе технического развития не дает гарантий достоверности полученной с его помощью информации и законодательно не урегулировано.

Одним из способов обеспечения достоверности объяснений сторон, используемых в законодательстве ряда государств, вполне соответствующим духу и принципам гражданского судопроизводства, является принесение юридически заинтересованными в исходе дела лицами присяги или клятвы. Источники процессуального законодательства показывают, что присяга (клятва) как гарантия достоверности объяснений сторон активно использовалась в римском гражданском процессе, была закреплена в Уставе гражданского судопроизводства 1864 года царской России, применяется в современном гражданском процессе Германии, США, Англии, странах Латинской Америки и других государств.

В связи с этим на данной процедуре хотелось бы остановиться более подробно.

В первую очередь обращает на себя внимание использование в юридической литературе как термина «присяга», так и термина «клятва», которые нередко отождествляются. Между тем под присягой следует понимать официальное и торжественное обещание соблюдать верность, поступать правильно, по закону [7, с. 12]. Клятва – это торжественное утверждение, уверение, подкрепленное упоминанием чего-либо священного, ценного, авторитетного для того, кто обещает, уверяет [6, с. 988]. Таким образом, основное отличие состоит в том, что присяга подразумевает элементы публичности и законности, а клятва – элемент религиозности. Подразумевается, что за нарушение присяги лицо несет ответственность перед государством, а за нарушение клятвы – перед Богом.

Статья 112 Гражданского процессуального кодекса (ГПК) Эстонии допускает возможность использования присяги в отношении сторон и третьих лиц. Кроме этого, в соответствии с пунктом 4 статьи 112 ГПК Эстонии под присягой могут быть допрошены и представители сторон, и третьих лиц. За отказ от принесения присяги или отказ от дачи объяснений после принесения присяги сторона или третье лицо могут быть подвергнуты штрафу. Однако предложенная эстонским законодателем норма, на наш взгляд, не достигает цели – повышение достоверности сведений, получаемых от сторон и третьих лиц. Дело в том, что штраф как мера ответственности предусмотрен за *отказ* от принесения присяги или от дачи объяснений после принесения присяги, но не за *дачу* ложных объяснений, которые недобросовестная сторона может давать и после принесения присяги. Очевидно, что сторона в эстонском гражданском судопроизводстве может быть привлечена к ответственности за нарушение ею процедуры, предшествующей исследованию объяснений сторон, но не за дачу ложных объяснений. Думается, что здесь проблема повышения достоверности объяснений юридически заинтересованных в исходе дела лиц осталась не разрешенной.

Достаточно большое внимание уделяется присяге в странах Латинской Америки. Использование таких средств доказывания, как признание и объяснения сторон, неразрывно связано с присягой, которая определяется как утверждение стороны о факте, от которого зависит разрешение дела в ее пользу, совершаемой в виде торжественной религиозной клятвы [8, с. 117 – 120]. В соответствии со статьей 175 ГПК Колумбии и статьей 823 Судебного кодекса Панама присяга является отдельным средством доказывания (разновидностью объяснений сторон). Законодательства этих стран различают несколько видов присяги.

Решительную присягу одна сторона предлагает принести другой для того, чтобы решение дела было поставлено в зависимость от результата этой присяги. Одна из сторон обещает, что откажется от своих требований, если другая сторона подтвердит под присягой обоснованность своей позиции и правдивость своих объяснений. Тот, кому такое предложение сделано, может присягнуть, чем обеспечит себе выигрыш дела. Это лицо вправе воздержаться от принесения присяги, и может предложить ее принести тому, кто предложил ее принести. Если этот последний принесет переданную ему присягу, то его требования должны быть удовлетворены (если не принесет – он проигрывает дело).

Восполнительная присяга применяется при недостаточности доказательств (ст. 212 ГПК Колумбии). Суд по своей инициативе может предложить ее принести одной из сторон. Присяга данного вида не может быть передана другой стороне.

Оценочную присягу (присяга «in litem») суд предлагает принести истцу для удостоверения размера его исковых требований, если невозможно их установить другим способом (ст. 211 ГПК Колумбии).

Доказательственная сила присяги в гражданском процессе Колумбии и Панама чрезвычайно высока – мнение суда о ложности или правдивости присяги не учитывается. Присяга судом не оценивается и должна быть принята в любом случае. Все вышеизложенное указывает на черты теории формальных доказательств, сохранившихся в современном гражданском судопроизводстве этих латиноамериканских государств.

Среди стран романо-германской правовой семьи классическим примером является Федеративная Республика Германия. В основе гражданского судопроизводства этого государства, в том числе и доказательственного права, лежит инквизиционная система правосудия.

Допрос сторон является одним из видов личных доказательств, и гражданское процессуальное законодательство Германии уделяет достаточное внимание доброкачественности данного средства доказы-

вания. Глава 11 ГПК ФРГ «Принятие присяг и подтверждение» содержит подробную регламентацию данной процедуры. Присяга может приноситься с религиозным подтверждением (п. 1 § 481 ГПК ФРГ) или без такового (п. 2 § 481 ГПК ФРГ). За дачу ложных объяснений под присягой сторона несет уголовную ответственность по ч. 2 ст. 154 УК ФРГ, устанавливающей санкцию за данное преступление в виде лишения свободы на срок от 6 месяцев до 5 лет [9, с. 127]. Несмотря на то, что допрос сторон обеспечен достаточно надежными гарантиями получения от них достоверных сведений, немецкий законодатель относится к данному средству доказывания как к дополнительному: допрос сторон принимается во внимание только в случае, если другие доказательства по делу отсутствуют или их недостаточно.

В англосаксонской системе права, напротив, показания свидетелей (которые включают в себя и объяснения сторон) являются наиболее распространенным средством доказывания. Даже исследование письменных и вещественных доказательств чаще всего осуществляется с помощью показаний свидетелей [10, с. 142]. По этой причине получение свидетельских показаний сопровождается детально регламентированной процедурой принесения присяги.

Федеральные правила о доказательствах США (Federal Rules of Evidence) первоначально содержали указания только на присягу с религиозным подтверждением. Текст присяги был следующим: «Я клянусь Всемогущим Богом, что показания, которые я дам, будут правдой, только правдой и ничем иным, кроме правды» [11, с. 44]. В XX веке в связи с бурным развитием прав и свобод человека (особенно свободы совести и религиозных убеждений), а также появлением новых неканонических течений и школ текст присяги был скорректирован. Так, если лицо не признавало Библию и исповедовало другую религию, ему была предоставлена возможность поклясться на священной книге своей религии. Кроме этого лицо могло дать присягу и без религиозного подтверждения (торжественное заявление – affirmation). По мнению И.В. Решетниковой, принесение клятвы «становится данью прошлому (как отражение страха свидетелей перед Божьей карой), и в настоящее время оно подкреплено правовой ответственностью за лжесвидетельствование. Это определенный сдерживающий фактор, оказывающий влияние не только на религиозного, но и законопослушного гражданина» [10, с. 151]. Тем не менее показания, которые не подкреплены присягой или affirmation, являются недопустимым доказательством.

Английским судам с целью обеспечения достоверности сведений о фактах, исходящих от сторон, рекомендуется исходить из так называемого «Правила Кимбла». Суть этого правила такова: если соблюдение ритуала принесения присяги делает ее обязательной для сознания и совести присягающего, то нужно ее позволить. Если же серьезность отношения лица к присяге под сомнением, и он попросту тратит время, то тогда лучше прибегнуть к процедуре принесения присяги без религиозного подтверждения [11, с. 45].

Таким образом, принесение присяги (клятвы) и сам ее текст должны влечь за собой модель должного поведения присягающего в особо значимых и ответственных ситуациях. Государство, закрепив в законе необходимость принесения присяги, ждет от юридически заинтересованного в исходе дела лица как от сознательного и законопослушного участника процесса выполнения взятых на себя обязательств – сообщение суду полных и правдивых сведений об обстоятельствах дела.

Кто же эти лица, на которых рассчитана процедура принесения присяги или клятвы? В первую очередь это лица, которые в силу своих высоких нравственных и моральных принципов, а также следования религиозным канонам осознанно воспримут принесение присяги или клятвы, посчитают ее обязательной для своего сознания и совести и будут говорить в суде правду. Однако представляется, что именно в силу этих причин такие участники процесса и без приведения к присяге или клятве будут давать правдивые объяснения. Беспринципные граждане без особых проблем принесут любую присягу, но сдерживать их она не будет. Для лиц с неустоявшимися принципами правдолюбия процедура приведения к присяге не будет иметь никакого как психологического, так и практического эффекта. Обращает на себя внимание и то, что в законодательстве большинства стран присяга (клятва) выступает как **дополнительная** гарантия достоверности сведений о фактах, исходящих от лиц, юридически заинтересованных в исходе дела. Ее обязательно дополняют иные меры ответственности (чаще уголовная).

Таким образом, полагаем, что введение присяги (клятвы) как способа повышения достоверности объяснений юридически заинтересованных в исходе дела лиц видится нецелесообразным.

Каким же образом повысить достоверность такого важного средства доказывания, как объяснения сторон и других юридически заинтересованных в исходе дела лиц?

При систематическом противодействии быстрому и правильному рассмотрению и разрешению дела (а ложь зачастую ведет именно к таким последствиям) на недобросовестную сторону суд может возложить уплату в пользу другой стороны компенсации за потерю рабочего времени (ст. 138 ГПК Республики Беларусь). Кроме этого, в соответствии с частью 1 статьи 139 ГПК Республики Беларусь независимо от результатов рассмотрения дела на недобросовестную сторону или третье лицо судом могут быть возложены судебные расходы, если они вызваны дачей ложных объяснений. Возложение обязанности возместить понесенные судебные расходы на сторону, давшую ложные объяснения, является одной из мер гражданской процессуальной ответственности (п. 5 ст. 168 ГПК).

Очевидно, что указанные меры, обязывающие виновных лиц возместить ущерб, который причинен их недобросовестными действиями другим лицам, имеют компенсационный характер. Однако этого, безусловно, недостаточно.

Суды не должны забывать, что кроме защиты нарушенных прав и охраняемых законом интересов, своевременного и правильного рассмотрения и разрешения гражданских дел на них возложена задача по воспитанию граждан в духе уважения и исполнения законов, предупреждению правонарушений. И эта задача видится не менее важной, чем защита нарушенных прав и охраняемых законом интересов.

На наш взгляд, имеет место недооценка общественной опасности указанных выше противоправных действий сторон и третьих лиц. Следует полностью согласиться с А.Г. Коваленко, которая полагает, что «ложь как процессуальное средство борьбы с контрстороной очевидно посягает на фундаментальные основы правосудия, нарушая, с одной стороны, принцип равноправия сторон, а с другой – заставляя суд (а не только противоположную сторону) разбираться в ситуации, не отвечающей объективному положению вещей» [4, с. 199]. Английский гражданский процесс рассматривает ложное заявление о якобы нарушенных правах (которое неизбежно ведет недобросовестного участника процесса к даче им заведомо ложных объяснений) как проявление неуважения к суду [12, с. 79].

Отсутствие реакции суда на дачу сторонами заведомо ложных объяснений может существенно подорвать авторитет судебной власти и эффективность судебной защиты. Оставшаяся безнаказанной ложь порождает среди присутствующих в зале судебного заседания мнение о возможности вводить суд в заблуждение, способствуют повторению аналогичных случаев в будущем как самими сторонами, так и другими лицами.

Совершая подобные недобросовестные действия стороны и другие юридически заинтересованные в исходе дела лица проявляют свое пренебрежение к судебной власти, выражая тем самым свое неуважение к суду, что должно расцениваться законодательством как посягательство на правосудие.

В связи с этим, а также исходя из необходимости повышения достоверности объяснений юридически заинтересованных в исходе дела лиц, видится необходимым дополнить статью 24.1 Кодекса Республики Беларусь «Об административных правонарушениях» нормой, позволяющей привлекать к административной ответственности указанных выше лиц за дачу ими заведомо ложных объяснений.

Необходимо отметить, что гражданское процессуальное законодательство достаточно подробно раскрывает процессуальные права юридически заинтересованных в исходе дела лиц и механизм их реализации. Согласно пункту 18 Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28.06.2001 г. № 7 «О применении норм гражданского процессуального кодекса при рассмотрении дел в суде первой инстанции» (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 29.06.2006 г. № 5) «в целях выполнения требований статьи 280 ГПК председательствующий в судебном заседании обязан разъяснить юридически заинтересованным в исходе дела лицам их процессуальные права и обязанности, изложенные в статьях 56, 60, 61 ГПК, в том числе право знакомиться с материалами дела, представлять доказательства, участвовать в их исследовании, задавать вопросы другим участникам судопроизводства, свидетелям и экспертам, заявлять ходатайства, давать устные и письменные объяснения суду, представлять свои доводы и соображения по всем возникающим вопросам, возражать против ходатайств, доводов других лиц; право знакомиться с протоколом судебного заседания и подавать свои замечания на протокол с указанием на допущенные в нем неправильности и неполноту в порядке, предусмотренном статьей 175 ГПК; право сторон на возмещение расходов по оплате помощи представителя и на возмещение судебных расходов в случаях и порядке, определенных статьями 124, 135 ГПК; право требовать составления мотивировочной части решения (ст. 305 ГПК); право обжаловать решение в кассационном порядке (ст. 399 ГПК), а также обязанность юридически заинтересованных в исходе дела лиц добросовестно пользоваться принадлежащими им процессуальными правами». Как нетрудно заметить, объем прав юридически заинтересованных в исходе дела лиц достаточно велик и конкретен. В то же время обязанностям указанных участников судопроизводства суд уделяет гораздо меньше внимания.

Возможно, и это является одной из причин дачи сторонами и другими юридически заинтересованными в исходе дела лицами ложных объяснений – им никто прямо не указывает на **обязанность** сообщать суду достоверные сведения о фактах.

В связи с этим представляется необходимым дополнить часть 2 статьи 280 ГПК и изложить ее в следующей редакции: «Председательствующий разъясняет юридически заинтересованным в исходе дела лицам их обязанность сообщать суду достоверные сведения о фактах *и предупреждает об административной ответственности за дачу ими заведомо ложных объяснений*. Затем председательствующий разъясняет юридически заинтересованным в исходе дела лицам их процессуальные права и другие обязанности, а также спрашивает, имеются ли у них ходатайства. Лицо, заявившее ходатайство, обязано указать, для установления каких именно фактов необходимы дополнительные доказательства или для решения каких вопросов заявлено ходатайство».

В целях устранения противоречий в объяснениях лиц, имеющих непосредственный интерес в исходе дела и показаниях свидетелей, гражданское процессуальное законодательство допускает проведение между указанными лицами очной ставки. В соответствии с частью 2 статьи 191 ГПК суд должен напомнить свидетелям об уголовной ответственности за отказ или уклонение от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний. И поскольку очная ставка может быть проведена и между сторонами, часть 2 статьи 191 ГПК предлагается изложить в следующей редакции: «Если очная ставка проводится между лицами, которые были предупреждены об административной или уголовной ответственности, судья напоминает этим лицам об этом».

Сообщение заведомо ложных сведений лицами, имеющими непосредственный интерес в исходе дела, может иметь место не только в гражданском, но и в хозяйственном судопроизводстве. Поэтому полагаем, что сделанные выводы и предложения в части повышения достоверности сведений о фактах, исходящих от юридически заинтересованных в исходе дела лиц по гражданскому делу, будут справедливы и могут быть применены и в отношении лиц, участвующих в деле при рассмотрении хозяйственных споров.

Заключение. Думается, что наличие в законодательстве норм, обязывающих юридически заинтересованных в исходе дела лиц давать правдивые и полные объяснения об обстоятельствах дела, самым благоприятным образом скажется на качестве и оперативности судебной защиты, а предусмотренная мера административной ответственности этих лиц за дачу ими заведомо ложных объяснений и неотвратимость наказания в этом случае поднимет авторитет судебной власти и доверие к ней.

ЛИТЕРАТУРА

1. Курьлев, С.В. Объяснения сторон как доказательство в советском гражданском процессе / С.В. Курьлев. – М., 1956. – 280 с.
2. Гусев, В.Г. Некоторые проблемы борьбы с ложью в гражданском судопроизводстве / В.Г. Гусев // Вестн. Саратов. гос. акад. права. – 2000. – № 1. – С. 48 – 49.
3. Мороз, О.Л. Участие педагога-психолога в гражданском процессе как гарантия защиты прав и законных интересов несовершеннолетних свидетелей / О.Л. Мороз // Промышленно-торговое право. – 2007. – № 6. – С. 25 – 29.
4. Коваленко, А.Г. Институт доказывания в гражданском и арбитражном судопроизводстве / А.Г. Коваленко. – М.: Норма, 2002. – 208 с.
5. Медведев, И.Р. Проблемы повышения достоверности объяснений сторон / И.Р. Медведев // Российская юстиция. – 2006. – № 8. – С. 46 – 47.
6. Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. / Т.Ф. Ефремова. – М., 2000. – Т. 1: А – О. – 1210 с.
7. Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. / Т.Ф. Ефремова. – М., 2000. – Т. 2: П – Я. – 1125 с.
8. Ермакова, Е.П. Доказательства в гражданском процессе стран Латинской Америки (на примере Колумбии, Панамы, Эквадора): дис. ... канд. юрид. наук. / Е.П. Ермакова [Электронный ресурс]. – М.: РГБ, 2003. – 162 с.
9. Давтян, А.Г. Гражданское процессуальное право Германии / А.Г. Давтян. – М., 2000. – 290 с.
10. Решетникова, И.В. Доказательственное право Англии и США / И.В. Решетникова. – М.: Городец, 1999. – 284 с.
11. Медведев, И.Р. Некоторые аспекты присяги сторон, свидетелей и экспертов в гражданском процессе: опыт США / И.Р. Медведев // Арбитражный и гражданский процесс. – 2007. – № 6. – С. 44 – 47.
12. Кудрявцева, Е.В. Гражданское судопроизводство Англии / Е.В. Кудрявцева. – М.: Городец, 2008. – 320 с.

Поступила 27.02.2009